

*Кристина Корнеева***Реализация концепта «Слово»
в поэзии Зинаиды Гиппиус**

На продвинутом этапе изучения языка особое значение приобретает освоение его концептуальной, символической стороны, поскольку именно через неё осуществляется взаимосвязь языка как знаковой системы с внеязыковой действительностью.

Одним из лучших способов постижения концептологической сферы языка, а также внеязыковых культурных реалий является знакомство с литературным творчеством авторов-носителей данного языка, поскольку в их случае живая речь как непосредственное выражение языкового сознания сочетается, как правило, с высоким уровнем владения литературным вариантом языка и его нормами. Кроме того, наиболее значительные представители литературного Олимпа обнаруживают глубокие познания в сфере культуры, истории, религии, философии, что сообщает их произведениям дополнительную (нередко многослойную) смысловую нагрузку, а следовательно вовлекает в работу множество языковых концептов и культурных символов. В этой связи особое внимание следует уделить поэзии и поэтической образности, так как именно здесь максимально раскрывается выразительный потенциал языка.

Это утверждение в особенности характерно для поэзии символизма, где большая часть художественных образов работает в первую очередь на выражение определённого философского подтекста.

Значительное влияние на русских символистов – опосредованно, через романтическую поэзию Василия Жуковского, а затем и философскую лирику Фёдора Тютчева – оказали мистические идеи йенских романтиков (в частности, Людвиг Тика, Вильгельма Вакенродера, но, в особенности, Новалиса), чьё творчество было направлено в первую очередь на постижение мистической стороны мироздания.

Ярким примером образности такого типа служит поэтическое творчество одного из ведущих представителей русского символизма – Зинаиды Гиппиус. Отличительной чертой её творчества является концентрация на метафизической стороне бытия и – как следствие – реализация мистической стороны различных концептов.

Особо следует рассмотреть проблему словесного выражения трансцендентного (сокровенного, непроявленного, нерасчленённого), которая

занимает значительное (если не ключевое) место в поэзии З. Гиппиус. В основе данной проблемы лежит вопрос о возможности словесного выражения уровня запредельного. Это приводит к тому, что концепт слова в творчестве поэта реализуется с весьма неожиданной стороны.

Проблема словесной передачи мистического опыта, интуитивно познанной Истины вставала ещё в самых ранних стихотворениях З. Гиппиус, к примеру, в лирическом произведении *Бессилие* (1893): «Мне кажется, что истину я знаю, – / И только для неё не знаю слов»¹.

Невозможность не только подобрать слова для передачи своего внутреннего состояния, а и просто максимально определённо прочувствовать его нашла отражение также в стихотворении *У порога* (1913): «Но словом прикоснуться не умею / К живущему во мне – и в тишине. / Я даже чувствовать его не смею: / Оно как сон. Оно как сон во сне»².

В своих лирических произведениях З. Гиппиус нередко даёт художественное описание попыток творческой переработки несказанности в словесность. Как пример можно привести стихотворение *Они* (1904). В нём отражён момент поиска слов лирическим героем, «кружение» смыслов в его сознании, которые он не в силах уловить, чтобы выразить невыразимое: «Игра и дымность в их привете, / Отсветы мыслей, тени слов... / Они – таинственные дети / Ещё несознанных миров»³.

Поражает удивительная лёгкость, с которой З. Гиппиус передаёт очень сложные и еле уловимые оттенки смыслов («отсветы мыслей», «тени слов»), чутко воспроизводя их в созданных ею сложных словесных конструкциях («они таинственные дети ещё несознанных миров»), которые служат для передачи и тонких психологических состояний и интеллектуальных озарений, глубоких истин бытия и музыкальной гармонии слова. Разум здесь безвластен, ибо божественные истины находятся далеко за его пределами. Лирическому герою остаётся лишь наслаждаться «порханием» смыслов вокруг себя, безо всякой надежды уловить их и воплотить в слова: «Я только слышу – вьются, вьются, / Беззвонный трепет я ловлю. / Играют, плачут и смеются, / А я, безвластный – их люблю»⁴.

Слово, по З. Гиппиус, само по себе есть ограничение, расчленение реальности. Именно в этом – в степени полноты бытия – любое из существующих слов проигрывает молчанию как всецелому нерасчленённому единству. Ни одно слово в принципе не способно передать всю непостижимую полноту запредельности. Неявленность как таковая есть нереализованность ни в чём конкретно, а значит потенциально предполагает пребывание абсолютно во всём. Так и молчание может нести в себе, что угодно, за ним могут скрываться любые смыслы или же их полное отсутствие.

В такой ситуации неизбежно столкновение между естественной потребностью автора в поэтическом самовыражении и бледностью конечного

¹ З. Гиппиус, *Сочинения: Стихотворения. Проза*, Изд-во «Художественная литература», Санкт-Петербург 1991, с. 54.

² Там же, с. 161.

³ Там же, с. 125.

⁴ Там же, с. 125.

итога творческого акта. Это столкновение запечатлено, к примеру, в лирическом произведении *Колодцы* (1914): «Слова, рождённые страданием, / Душе нужны, душе нужны. / Я не отдам себя молчаньям, / Слова как знаки нам даны»⁵.

Но такой настрой тут же сменяется разочарованием. Слово, реализованное с его узкой значимостью меркнет в сравнении с безграничностью неизречённого Слова, хранящего в потенциале все значения: «Слова в душе – ножи и копыя... / Но воплощенные, в устах – / Они как тающие хлопья, / Как снежный дым, как дымный прах»⁶.

Эти строки в некотором смысле перекликаются с тютчевским «Мысль изречённая есть ложь». В поэтическом мире З. Гиппиус слова являются ложью, слабой тенью Истины из-за невозможности подобрать адекватные вербальные средства для выражения запредельной (выходящей за рамки конкретно-вещественного и временно-событийного) реальности. Но полноценному выделению антитезы «слово-молчание» мешает тот факт, что сама трактовка образа Слова у З. Гиппиус антитетична по своей сути. Слово для З. Гиппиус – Бог. Проявленный, зримый Логос – в противоположность безграничному и безличному Абсолюту. Оно рождается из тьмы непроявленности, хаотической бездны вероятностей. Именно такое восприятие Слова отражено в стихотворении *Наше Рождество* (1915): «И буду молиться снова: / Родись, Предвечное Слово! / Затеpli тишину земную. / Обними землю родную...»⁷.

Обращение к «Предвечному Слову» явно отсылает читателя к Евангелию от Иоанна, где провозглашается божественная природа Слова – изначальная по отношению ко всему существу. Здесь крайне важен один момент: в процитированном отрывке речь идёт не о словах, а именно о Слове. А это существенно меняет смысл высказывания.

Дело в том, что «Слово» – это не просто некий собирательный образ слов как единиц языка, это, прежде всего, сама идея словесного воплощения трансцендентного. Слово как сама идея слова, Слово как воплощённость. В нём как бы собраны все реализованные потенциальности и скрытые смыслы, и поэтому Слово в данном контексте так же всеобъемлюще-безмерно, как и Молчание. Ибо в Нём всё, и во всём нет ничего иного, кроме Него самого. Именно об этом свойстве Слова (которое противопоставляется словам как разрозненному множеству) автор говорит в стихотворении *Сиянья* (1937): «Сиянье слов? О, повторять ли снова / Тебе, мой бедный человек-поэт, / Что говорю я о сиянье Слова, / Что на земле других сияний нет?»⁸.

Собственно, слова здесь кажутся неким платоновским миром идей – высшим по сравнению с миром материальных объектов окружающей действительности. Но Слово в таком случае – это уже сама Идея идей (объединённая, а значит Единая) Истина во всей её полноте. Это делает образ Слова зеркальным отражением образа Молчания.

⁵ Там же, с. 175.

⁶ Там же, с. 175.

⁷ Там же, с. 182.

⁸ Там же, с. 228.

Налицо интеграция противоположных смысловых полюсов в единое целое. Однако несмотря на идею о предвечном Слове, в своём поэтическом творчестве любой автор так или иначе вынужден иметь дело со стандартными словами человеческого языка. Отсюда естественным образом вытекает уже упомянутая выше проблема словесного выражения сокровенного, не расчлененного на вербально-логические составляющие опыта познания. Это в очередной раз порождает у З. Гиппиус идею о некоем мистическом Слове, в котором – в отличие от других слов – якобы должна содержаться вся неискажённая и нерасчленённая (ибо слово всего лишь одно!) Истина, лежащая за пределами рассудочного (разбитого на пункты и единицы слов) познания. Эта мысль прозвучала и в более раннем стихотворении *Слово?* (1933), где название неслучайно употреблено с вопросительным знаком: «Проходили они, уходили снова. / Не могли меня обмануть»⁹ – так говорила З. Гиппиус о бедных словах человеческого языка, и тут же: «Есть какое-то одно слово, / В котором вся суть. / Другие – сухой ковыль. / Другие все – муть, / Серая пыль»¹⁰.

Но, судя по последующим строкам данного стихотворения, искомое лирическим героем поэта Слово словом (в обычном понимании) на деле не является. Оно непроизносимо ни на одном языке, но мистическим образом слышится в звуках хаоса надвигающейся смерти: «Шла девочка через улицу, / Закричал ей слово автомобиль... / И вот, толпа над ней сутулится, / Но девочки нет – есть пыль»¹¹.

Оно же замкнуто в неразрешимом молчании – молчании животных, не знающих членорАЗДЕЛЬНОСТИ человеческой речи. Именно они своей немой изрекают Слово-Единство: «Но слово знают звери, / Молчаливые звери: / Собачка китайская / Голая, с кожей грубой, / В дверях какого-то клуба / Дрожит вечером майским, / Смотрит сторожко, – / Молчит тринадцать лет, / Как молчит и кошка / В булочной на Muette»¹².

Это Слово (да и Слово ли вообще?) – место пересечения речи и молчания. Оно не противостоит Молчанию как непроявленности, а напротив – сливается с ним. Ибо подобно Молчанию, оно всеохватно и неделимо. Это Слово-не-Слово.

Что особенно показательно в данном случае, так это сходство между этим загадочным Словом-не-Словом и «предвечным» Божественным Словом. Их объединяет: универсальность, нерасчленённость, неограниченность конкретным смысловым значением, что неизменно ставит знак равенства между ними и феноменом Молчания. Как и Божественное Слово, Слово-не-Слово можно считать связующим звеном между вербальностью и невербальностью, за счёт которого происходит синтез антитез, жизненно необходимый для лирики З. Гиппиус. Лучшее слово по З. Гиппиус – Безмолвие, которое Бог – ибо в нём всё – невысказанное и несказанное (то есть то, что высказать невозможно). В этой связи вспоминаются строки из гораздо более раннего стихотворения

⁹ Там же, с. 269.

¹⁰ Там же, с. 269.

¹¹ Там же, с. 270.

¹² Там же, с. 270.

Д. Мережковского – 1892 г. – *Тишина*: «Бог – не в словах, не в молитвах, / Не в смертоносном огне, / Не в разрушении и битвах, / Бог – в тишине»¹³.

Ещё один немаловажный пункт исследования данной проблемы – это вопрос о возможности/невозможности вербального общения между людьми и выводящийся непосредственно из него пункт об этике словесности.

Говоря об этом, нельзя не отметить совершенно особое отношение автора к поэтическому творчеству. Так, в своём письме к Зинаиде Венгеровой (27.05.1897) З. Гиппиус писала: «Я ведь редко пишу стихи и пишу их особенно, с тем чувством, с каким другие молятся. И потому для меня, только для меня одной, тут каждое слово важно, а для других оно не имеет силы, я это понимаю и покоряюсь»¹⁴.

То есть акт сотворения поэтического произведения для З. Гиппиус был священным в принципе. Но именно подобное молитвенное восприятие акта словесного выражения делает процесс поэтического творчества и его результат глубоко интимным и – как следствие – недоступным для понимания посторонними. Эту мысль З. Гиппиус высказала в предисловии к своему первому сборнику, которое носило название *Необходимое о стихах* (1904). Здесь, сравнивая процесс написания стихов с молитвой, она рассуждала о невозможности подлинного понимания стихов кем-то, кроме их автора.

Мысль об оторванности людей друг от друга, а значит и о разрозненности, неслиянности их слов, их молитв, выражена здесь предельно чётко: «И вот, мы, современные стихописатели, покорные вечному закону человеческой природы, молимся – в стихах, как умеем, [...]; виновны ли мы, что каждое «я», в наше время, теперь, сделалось особенным, одиноким, оторванным от другого «я», и потому, непонятным ему и ненужным?»¹⁵.

В процессе своих рассуждений, поэт приходит к весьма неутешительному выводу о том, что стихи стали никому не нужны по той причине, что исчезла «общность молитвенного порыва»: «...было время, когда стихи принимались и понимались всеми. [...] И не оттого, что прежние поэты писали прекрасные стихи, а теперешние пишут плохие. [...] Исчезли не таланты, не стихи, – исчезла возможность общения именно в молитве...»¹⁶. По мнению З. Гиппиус, раньше «дрожали общие струны, пелись хвалы общему Богу». Теперь же у каждого свой персональный, отдельный – осознанный или неосознанный, – но свой Бог. «А потому так грустны, беспомощны и бездейственны наши одинокие, лишь нам и дорогие, молитвы»¹⁷.

Пожалуй, наиболее кратко и одновременно ярко с предельной степенью исповедальности эта мысль о сакральности и крайней изолированности, индивидуализированности процесса словесного проявления внутреннего мира

¹³ Д. Мережковский, *Стихотворения и поэмы*, Изд-во «Академический проект», Москва 2000, с. 58.

¹⁴ З. Гиппиус, *Сочинения*, с. 13.

¹⁵ Там же, с. 47.

¹⁶ Там же, с. 47.

¹⁷ Там же, с. 48.

прозвучала в стихотворении 1918 года *Есть речи*: «У каждого свои волшебные слова. / Они как будто ничего не значат, / Но вспомнятся, скользнут, мелькнут едва, – / И сердце засмеётся и заплачет. / Я повторять их не люблю; я берегу / Их от себя, нарочно забывая. / Они мне встретятся на новом берегу: / Они написаны на двери Рая»¹⁸. Данные строки звучат в унисон строки из написанного на пятнадцать лет раньше стихотворения Поликсены Соловьёвой *Мы живём и мертвеем* (1903): «Но душой неусталой / Мы должны подстеречь / Для любви небывалой / Небывалую речь»¹⁹. Также его мотив частично перекликается со стихотворением М. Лермонтова *Есть речи – значенье*: «Есть речи – значенье / Темно и ничтожно, / Но им без волнения / Внимать невозможно. [...] Но в храме, средь боя / И где я ни буду / Услышав, его я / Узнаю повсюду»²⁰ Последний также наделяет слово, рожденное «из пламя» и света небывалой силой эмоционального и духовного воздействия на человека. При этом само слово остаётся непостижимым («значенье темно и ничтожно»).

Если говорить о степени необходимости словесного самовыражения вообще, то на этот счёт лирические герои Гиппиус высказываются подчас противоположным образом. Для начала следует сказать о том, что – как отмечают Константин Азадовский и Александр Лавров – «молчание» – истинно религиозное состояние для Гиппиус»²¹. И причина такого отношения к молчанию отнюдь не в пренебрежении к вербальности как таковой, а в том, что – как было сказано выше – поэтическое творчество было для З. Гиппиус сродни молитве, следовательно, не терпело обывательски небрежного отношения к слову. Любое слово, брошенное небрежно и всуе нивелируется, теряет свою ценность, и это равносильно богохульству и предательству, подобно тому, как это отображено в стихотворении *Отдых* (1914): «Слова – как пена, / Невозвратимы и ничтожны. / Слова – измена, / Когда молитвы невозможны»²².

Словесное расточительство неуместно, по мнению поэта, в отношении наиболее глубинных чувств, суть которых должна быть скрыта от посторонних ушей, ибо никакими словами всё равно невозможно отобразить всю глубину чувств любящего сердца, не исказив тем самым этих чувств, как, к примеру, в стихотворении *Родное* (1920): «Не назову родное имя, / Любовь безмолвная свята. / И чем тоска неутолимей, / Тем молчаливее уста»²³. Такая декларируемая автором неполноценность словесного выражения чувств здесь особенно явно перекликается с тютчевской идеей о ложности изречённой мысли.

Похожая мысль прозвучала ещё в стихотворении 1901 года *Тетрадь любви (надпись на конверте)*. Здесь мотив священной невысказанности (а вернее

¹⁸ Там же, с. 206.

¹⁹ См. Л. Смирнова, *Золотой сон души: о русской литературе рубежа XIX–XX вв.*, Изд-во «Водолей», Москва 2009, с. 119.

²⁰ М. Лермонтов, *Малое собрание сочинений*, Изд-во «Азбука», Санкт-Петербург 2013, с. 112.

²¹ З. Гиппиус, *Сочинения*, с. 13.

²² Там же, с. 180.

²³ Там же, с. 219.

даже *несказанности*) чувств сближается с мотивом любви ко всякой несвершённости вообще: «И тёмен сургуч, / Которым любовь моя запечатана. / И хочется мне печати сломать... / Но воля моя смирением связана. / Пусть будет вечно закрытой лежать тетрадь, / Пусть будет Любовь моя – недосказана»²⁴.

Так проявляется идея неприкосновенности тайны, недолжности разрушения её словом. Впрочем, нельзя не отметить, что на раннем этапе творчества в поэзии Гиппиус встречались и прямо-противоположные идеи, как, например, в *Сентиментальном стихотворении* (1896). В этом произведении звучит мысль о том, что именно слова, сказанные вовремя (в данном контексте – на пике чувства) способны сберечь это чувство в вечности уже после его смерти в сердцах людей: «Душа, быть может, разлюбила – / Что нам до мимолётных снов? / Хранит таинственная сила / Бесмертие рождённых слов. / Они когда-то прозвучали... / Пусть лжив торжественный обет, / Пускай забыты все печали – / Словам, словам забвенья нет!»²⁵.

Близкая по смыслу идея была выражена также в строках более позднего стихотворения *Тяжёлый снег* (1918): «И я, чтоб задержать мгновенья, / Их сковываю цепью слов»²⁶. И в том, и в другом случае слова, обретая бессмертие, борются с течением времени и конечностью всех событий.

Иными словами, образ Слова в поэзии Гиппиус как бы распадается на две половинки: слово как единица речи и Слово как Речь в потенциале – вмещающая все слова, но реализованная, ибо реализация речи на практике означает выбор нескольких слов из множества возможных – определение, ограничение, тогда как потенциальное, но не произнесённое Слово может быть любым. В этом заключается причина диалектического отношения поэта к данному концепту.

Нельзя не отметить также, что творчество З. Гиппиус, вне всякого сомнения, является интересным не только как необычный пример реализации концепта «Слово», но и как один из наиболее значимых образцов русской метафизической поэзии и, собственно, символизма (что в свою очередь значимо в культурологическом аспекте изучения языка).

Кроме того, знакомство с её творчеством является важным для понимания русской культуры эпохи fin de siècle, поскольку метафизические идеи З. Гиппиус не только легли в основу её поэзии, но также стали фундаментом философии «нового религиозного сознания» – учения, разработанного З. Гиппиус в соавторстве с Д. Мережковским и ставшего знаковым явлением в истории русской философской мысли рубежа веков XIX и XX веков.

Литература

Бердяев Н., *Новое религиозное сознание и общественность*, Изд-во «Канон+», «Реабилитация», Москва 1999.

Берковский Н., *Романтизм в Германии*, Изд-во «Художественная литература», Ленинград 1973.

²⁴ Там же, с. 97.

²⁵ Там же, с. 64.

²⁶ Там же, с. 79.

- Вакенродер В.Г., *Фантазии об искусстве*, Изд-во «Художественная литература», Москва 1977.
- Виролайнен М., *Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности*, Изд-во «Амфора», Санкт-Петербург 2003.
- Гиппиус З., *Сочинения: Стихотворения. Проза*, Изд-во «Художественная литература», Санкт-Петербург 1991.
- Жуковский В., *Стихотворения, баллады, повести и поэмы, сказки*, Изд-во «АСТ», Москва 2010.
- Лермонтов М., *Малое собрание сочинений*, Изд-во «Азбука», Санкт-Петербург 2013.
- Мережковский Д., *Стихотворения и поэмы*, Изд-во «Академический проект», Москва 2000.
- Новалис, *Фрагменты*, Изд-во «Владимир Даль», Санкт-Петербург 2014.
- Смирнова Л., *Золотой сон души: о русской литературе рубежа XIX–XX вв.*, Изд-во «Водолей», Москва 2009.
- Тютчев Ф., *Юбилейное издание в трёх томах*, Изд-во «Даръ», Москва 2013.

Реализация концепта «Слово» в поэзии Зинаиды Гиппиус

Резюме

В этой статье был описан пример нестандартной реализации концепта «Слово» в творчестве одного из наиболее самобытных поэтов русского символизма – Зинаиды Гиппиус. Характерной особенностью её творчества является мистическая картина мира, главное место в которой занимает проблема постижения трансцендентной Истины и Бога. В связи с этим одним из главных вопросов для З. Гиппиус является возможность словесной передачи мистических переживаний. Концепт слова в творчестве З. Гиппиус реализуется двойственно. С одной стороны, слово является символом Божественного (Слово – Бог), а с другой, оно же часто становится абсолютно бессильным при передаче трансцендентного опыта. Такая амбивалентность реализации концепта придаёт поэзии З. Гиппиус диалектический характер.

Ключевые слова: слово, реализация, выражение, молчание, трансцендентное, Истина, Бог.

The Implementation of the Concept «Word» in Zinaida Gippius' Poetry

Abstract

This article described an example of an unusual implementation of the concept «word» in poetry of the one's of the most original authors of Russian Symbolism – Zinaida Gippius. A specific feature of her poems is a mystical view of the world. It's main problem is comprehension the transcendent Truth and God. Thereby a major question we can find in Z. Gippius' works is the possibility of verbal transmission of mystical experiences. The concept «word» in Z. Gippius' poems was implemented doubly. On the one hand, the word is a symbol of God, on the other hand, it often becomes absolutely powerless in transmission of transcendental experience. This ambivalence of the concept implementation makes Z. Gippius' poetry dialectical.

Key words: word, implementation, expression, silence, transcendent, Truth, God.

[38]

Кристина Корнеева

Кристина Корнеева
кандидат филологических наук
Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

Christina Korneyeva
Ph.D. of Philology (Candidate of Philology)
Odessa I.I. Mechnikov National University
e-mail: koshmurr@ukr.net
+ 380930539028